

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Машина переваливалась через кочки, буксовала в жидкой грязи. К ночи прояснилось, мерцали звезды. Тарахтел надсаженный мотор. В свете полной луны выделялись очертания «ГАЗ-4» — кабина, как у полуторки, укороченный кузов, малая грузоподъемность. Кузов был затянут брезентом.

Машина проползла вдоль леска и встала. Водитель выключил зажигание. Стало тихо. Только справа от дороги глухо ухал филин, стрекотал полуночный кузнечик под завалившейся оградой хуторских строений.

— Тиха украинская ночь... — пробормотал молодой водитель в кепке, озираясь по сторонам.

— Тиха, — согласился коренастый пожилой мужчина со щеточкой седых усов. — Только здесь тебе, Фомин, не Украина.

— Да знаю я, товарищ капитан, так, к слову пришлось...

Пассажир потянул носом, прислушался. Не нравилось ему это дело — привередлив стал, во всем подвох видел. Слишком легко все складыва-

лось: вот клиент на блюдечке, подходите и берите. Только и дел-то — набраться терпения да лишних звуков не издавать. Он повернул голову, отодвинул заслонку за спиной.

— Все к машине...

Двое высадились из кабины, трое — из кузова. Все носили штатское, все — молодые, крепкие. Оперативники достали пистолеты, ждали дальнейших указаний. На открытом месте не маячили, отступили за кузов, настороженно озирались.

Умолк филин в чаше. Кузнечик в траве продолжал беззаботно стрекотать. Дул прохладный ветерок — по ночам в это время года было не жарко.

— Все тихо, товарищ капитан, — прошептал кто-то. — Не похоже, что нас здесь накормят и напоят.

— Пива нет, — пошутил другой.

— Разговорчики, — буркнул капитан.

Он колебался, чувствуя предательскую нерешительность. Странно все как-то складывалось. Но нет, он, старый опытный лис, почуял бы подвох сразу. Тем более надежный человек подкинул этот адресок в необитаемой глуши приграничного пространства.

— Фомин, остаться у машины, — негромко приказал капитан. — Как зайдем во двор, переставь ее вперед метров на сто, замаскируй за дорогой, чтобы не маячила, и бегом к нам. Да не торчи тут, как тополь, сгинь куда-нибудь.

— Есть, товарищ капитан...

Четверо пересекли заросшую подорожником колею, рассредоточились за плетнем. Ограда была ветхая, свое уже отслужила — не являлась больше ни преградой, ни украшением. Обитатели хутора давно съехали: приказ по пограничному округу полуторагодичной давности — освободить от населения территории в непосредственной близости от границы. А она совсем рядом — на западе за маленьким леском обрывистый спуск к воде. Середина фарватера — граница. Буг — река полноводная, глубокая, хотя и не широкая — метров семьдесят от берега до берега...

Группа растянулась вдоль дощатого строения. Завалинка осыпалась, крыша просела. Распахнутые ставни держались на честном слове. В окнах кое-где сохранились стекла.

— Внимание сюда, товарищи оперативники, — проговорил капитан. — В доме как будто никого, но убедиться надо. Осмотреть окрестности, двор, сарай. Как осмотрим, устраиваем засаду. Один — на улице, двое — на чердак, остальные... куда там — за печку? Романчук, я сказал что-то смешное? Упыри через пару часов придут. У них тут вроде перевалочного пункта. Есть информация, что они этот хуторок постоянно используют. Наши сюда почти не приезжают, местечко уединенное, опять же крыша над головой...

— Товарищ капитан, может, лучше на границе их подождать? — неуверенно заметил худощавый

оперативник. У него в полумраке настороженно поблескивали глаза. — Придут сюда или нет — вилами на воде писано, а там мы их враз засечем...

— Не фантазируй, Мищенко, — поморщился старший, — не засечешь. Длинная у нас граница, батальона не хватит, чтобы перекрыть весь подзрительный участок. Ты же не думаешь, что они напротив хутора переправятся, да в полный рост с песнями пойдут? А здесь мы их точно накроем. Давай, Мищенко, вперед, осмотри хату, двор, да помни: береженого бог бережет...

Оперативник что-то буркнул в ответ, приподнял тяжелую жердину плетня, перекатился в палисадник, почти не издав при этом шума. Пригнувшись, обогнул молоденькую липу. Потом присел и направился к хате на четвереньках.

— На полный ход перешел, — сострил кто-то.

Мищенко замер, потом перекатился за угол и пропал в слепой зоне. Люди молчали в ожидании. В окружающем пространстве ничего не менялось.

Капитан обернулся. За капотом машины переминался с ноги на ногу Фомин. В зыбкой и тревожной тишине прошло несколько минут.

В доме скрипнула половица. Оперативники затаили дыхание. Что-то упало, покатилося. Капитан выругался сквозь зубы. Снова что-то скрипнуло, но уже глухо. Луч фонарика мелькнул в одном окне, потом в другом. Прошла еще минута. Наконец

знакомый силуэт выскользнул из-за угла и махнул рукой.

— Все в порядке, товарищ капитан, пусто в доме. И во дворе никого, в сараи я не заходил, там черт ногу сломит...

Старший группы перевел дыхание. Примечается же всякая бесовщина — накрутил себя. Мелькнула мысль: «Нахрапом работаем, наудачу, не оповестив вышестоящее начальство. Ладно, победителей не судят...»

Он первым перебрался за чахлый палисадник, за ним последовали остальные.

Когда за углом хаты исчез последний человек, Фомин, оставшийся у машины, расслабился, подтянул рукав, под которым прятал тлеющую папиросу. Затянулся в последний раз, растоптал окурочек. Машинально похлопал по карманам — пусто, ключи от зажигания остались на сиденье. Машину следовало отогнать. Он двинулся вокруг капота и вдруг застыл. Тихий звук за спиной в кустах — словно веточка под ногой переломилась. Екнуло сердце, он начал оборачиваться, сунул руку в карман, но упустил драгоценное время! Второй оплошности враг себе не позволил.

Человек выкатился из кустарника, набросился сзади на опешившего оперативника. Крик застрял в горле, сильная рука сдавила шею. Перехватило дыхание, револьвер выскользнул из ослабевшей руки на землю. Он ударил локтем назад — тоже

оружие. Но локоть пробил пустоту, а в следующий миг неизвестный провел ножом по горлу Фомина. Тело обвисло, забилося в судорогах. Фомин еще мог хрипеть.

— Тихо, товарищ, тихо, — вкрадчиво урчал убийца. — Все хорошо...

Следующий удар пробил трахею — брызнула кровь. Фомин повалился под капот, продолжая подрагивать. Убийца схватил его за воротник, отволокло подальше от проезжей части...

Группа капитана рассредоточилась во дворе. Он был фактически замкнутый — большой пустырь, поросший сорняками и заваленный мусором, пара сараюшек в глубине двора, просевший амбар. Дровяная поленница перед ветхим сараем. Вход в дом находился здесь — крыльцо провалилось, торчали доски. Справа от крыльца лежала пара заржавевших бочек, непригодных для хозяйства, развалившаяся телега. Позади строений чернел лес.

— Растянуться, не маячить... — сипло командовал капитан. — Романчук, Гуревич — внутрь... — Он присел, напряженно всматривался в очертания сараев. Снова кольнуло в сердце — какое-то дурацкое чувство незащитности... — Эй, Мищенко, а ну, присел...

Две тени скользнули к крыльцу. Романчук споткнулся, ругнулся сквозь зубы.

— Товарищ капитан, вы слышите, чтобы Фо-

мин машину уводил? — выдохнул Мищенко. —
Вроде должен уже. Ключи, что ли, потерял?

Предчувствие опасности сдавило грудь. Да это же засада, ядреный корень! Поздно ты все понял, старый дурак!

Романчук и Гуревич уже подбегали к крыльцу.

— Мужики, назад! — ахнул капитан. Все подстроено, их заманили в ловушку! А Мищенко, пока тот шарил по хутору, трогать не стали — больно мелковата мишень.

И в этот момент разразилась суматошная автоматная пальба! Стреляли как минимум с трех точек. Оперативники попали под перекрестный огонь. Люди метались, кричали. Гуревича сразило наповал — он покатился с крыльца, зарылся носом в землю. Романчук присел от неожиданности, метнулся в дом. Пули раскрошили косяк рядом с ухом. Он прыгнул через порог. Из дома грянула другая очередь — плохо Мищенко его осматривал! Там тоже кто-то прятался. Романчук далеко не ушел, пули прошли ему грудь. Верхняя часть туловища вывалилась на крыльцо, ноги остались за порогом.

Мищенко нырнул за бочку, пуля попала в голень, уже на излете. Он возился в груди железа, стонал от боли, полз за бочку, отталкиваясь здоровой ногой.

Капитан метался по двору, рыча от бессилия. Прыжок — он покатился за остов телеги, демон-

стрируя неплохую для своего возраста прыть. Пистолет он не выронил, но повредил левую руку — от боли в плече глаза полезли из орбит. Капитан выматерился, скорчился в три погибели, пришлось опереться на пострадавшую конечность — и чуть сознание не потерял от ослепляющей боли.

В мозгах сумятица. Запорол дело, допустил грубейшую ошибку, погубил людей, да и себя, похоже... Автоматчики перезарядили оружие, снова открыли огонь из укрытий. Режим тишины их больше не волновал — местечко отдаленное, если и услышат, то среагируют не сразу. Пули крошили землю, выбивали щепки из остова телеги. Долго так не выдержать — телега насквозь дырявая и не железная!

Капитана трясло, он не думал о себе. По-любому конец. Он попытался высунуться, хоть что-то разглядеть, сориентироваться по вспышкам. Пуля свистнула рядом, оторвала мочку уха. Кровь полилась за воротник, но капитан не чувствовал боли. Он рычал, как медведь, рука висела плетью, он стал стрелять, не видя мишеней, — вспышки плясали перед глазами, вертелись каруселью. Очередь пропоролла грудь у солнечного сплетения, еще одна пуля пробила лобную кость. Капитан повис на переломанной оглобле, кровь ручьями потекла в притоптанную траву...

Пальба прервалась. Послышались щелчки — бандиты меняли опустевшие магазины. Стрельбу вели из советских «ППШ» — совсем недавно по-

ступивших на вооружение. Двор озарялся лунным мерцанием.

Из полумрака появились стрелки. Зашевелился силуэт в районе амбара, выступил вперед. Обрисовалась голова за поленницей с дровами. Из-за угла, со стороны дороги, возник третий — тот, что зарезал Фомина. Заскрипела половица в доме, четвертый отодвинул ногой перегородившего проход Романчука, но выйти не успел, отпрянул к косяку. Снова грянули выстрелы! Раненый Мищенко нашел в себе силы приподняться и теперь выпускал пулю за пулей в ближайшую мишень. Стонал раненый за поленницей, его отбросило к сараю, он сползал по стене. Остальные запоздало среагировали, но снова открыли огонь. Пистолет загремел в пустую бочку, Мищенко осел на землю, затих.

Злоумышленники глухо ругались по-русски, подходили ближе. Тот, что прятался за углом, побежал к раненому. Высунулась голова из дома, выбрался приземистый тип в длинной овчинной безрукавке. Он поднял автомат, прошил очередью тело под ногами — Романчук еще подавал признаки жизни.

Бандит спрыгнул с крыльца, бросил пару слов идущему от амбара сообщнику — рослому, подтянутому. Тот односложно ответил, ткнул ногой мертвого Гуревича, убедился, что с Мищенко все кончено. Схватил за шиворот висящего на оглобле капитана, опрокинул на землю. Пнул в сердцах:

— Спокойной ночи, товарищ капитан, в следующий раз умнее будете...

Они побрели за поленницу, где третий сообщник возился с раненым. Вспыхнул фонарь. Это был еще молодой худощавый мужчина с глубокими залысинами. Лицо посерело, сморщилось от боли. Пуля пробила левый бок. Сочилась кровь. Раненый тяжело, со свистом дышал, блуждали мутные глаза.

— Леонтий, ты как? — Рослый мужик опустил-ся на корточки, уставился на раненого.

— Все нормально, Архип, это не смертельно... — с хрипом выдавил пострадавший. — перевяжите чем-нибудь... вот черт, столько крови потерял...

Он начал материться слабеющим голосом, откинул голову. Кровь сочилась сквозь пальцы, пропитывала рубашку, брюки. Сообщники переглянулись. Перевязывать рану было нечем. Пошарить в машине оперативников? Но сколько времени это займет?

— Терпи, Леонтий, все нормально будет, — пообещал рослый. — Берите его, тащите к лесу, там что-нибудь придумаем. Да живее давайте, не всю же ночь тут торчать.

Подельники взяли раненого за руки и за ноги. Обогнули сарай, понесли в поле. Приземистый тип постоянно спотыкался и выражался «по матери». Рослый досадливо поморщился — мелочь, а все же неприятно. Он встал с корточек, осветил фонарем

землю. Снова поморщился, свалил с поленницы верхний слой заплесневелых осиновых чурок, разбросал ногами. Подумал — еще навалил. Хоть как-то эту лужу прикрыть. Посмотрел по сторонам — все тихо. Есть же в летних белорусских ночах свое особенное очарование...

Луна освещала мертвые тела приглушенным светом. Небритые губы субъекта исказила ухмылка. Он закинул автомат на плечо и поспешил за своими...

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Заключение, на выход! — прогремело с порога.

Полный охранник в новенькой форме, с двумя треугольниками в красных петлицах, показался на пороге камеры, надменно посмотрел на единственного ее обитателя. Спать в это время суток запрещалось. Да и какой тут сон, если много дней — сплошная бессонница.

Человек в арестантской робе поднялся с нар. Плечистый, ростом выше среднего, волосы колтуном, с редкими седыми прядями. Кожа серая, глаза запали. Он сильно сутулился, передвигался неуверенно.

Надзиратель посторонился, пропуская сидельца. В коридоре стоял еще один, автоматчик, он тоже внимательно посмотрел на арестованного.

— К стене! Руки за спину!

На запястьях защелкнулись наручники. Разве тут сбежишь или помашешь кулаками? Сил осталось — разве что признательные показания подписать. Полный осмотрел камеру: не такие уж вместительные квадратные метры, ободранные стены без окон, скомканный матрас, параша в углу — каждое утро заключенный под конвоем выносил ее самостоятельно. Хмыкнул, прикрыл стальную дверь с двумя оконцами — для надзора и подачи пищи.

— Вперед! — прозвучала команда.

Заключенный потащился по давно освоенному маршруту. Внутренняя тюрьма НКВД в Варсонофьевском переулке не отличалась ухоженностью и домашним уютом. Все серое, казенное. Подъем по винтовой лестнице в кирпичном мешке — надзиратель приотстал. Кто знает, что придет в голову этому выродку. Инциденты редки, но все возможно.

Уровнем выше были те же серые стены, лампы в мутных плафонах, часовые в форме НКВД с каменными лицами. Подавляла сама обстановка, даже если ничего не происходило. Помещение для допросов располагалось недалеко от лестницы.

— Лицом к стене! — приказал надзиратель и постучал в дверь. — Разрешите?

Помещение было просторным. В футбол не поиграешь, но развернуться можно. Табуретка перед

столом. Следователь новый: лысоватый, опухший, с маленькими глазками.

Заключенный помялся на пороге — куда, интересно, подевался предыдущий следователь? Тоже арестован и уже дает признательные показания, раскрывая свою контрреволюционную суть?

Конвоир незатейливо подтолкнул его в спину.

— Спасибо, можете идти. — Человек в форме оторвался от бумаг, мельком глянул на арестанта. — А вы, пожалуйста, присядьте... — Он заглянул в лежащее под рукой дело. — Максим Андреевич...

Заключенный, кряхтя, пристроился на табурете. Неудобно сидеть со скованными за спиной руками. После предыдущего допроса болели суставы. «Стреляла» боль в лобной части головы.

Следователь разглядывал доставленного врага народа — пока нейтрально, без предвзятости — как обычную вещь. Под глазом у заключенного синела припухлость — пару дней назад она была ярче и болела сильнее. Разбитая губа обросла коркой, но уже не саднила. Но все время хотелось ее облизать.

— Добрый день, гражданин Шелестов, — сказал следователь. У него был неприятный голос и неспешная манера общения. — Моя фамилия Хавин, я старший следователь Главного управления Наркомата Государственной безопасности, буду вести ваше дело. Надеюсь, с вашей помощью мы доведем его до победного конца. Следователь Ка-

ширин, с которым вы общались ранее, переведен на другую работу. Теперь вам придется общаться со мной.

Заключенный молчал. Его мало волновало, с кем общаться. До февраля 1941-го они представлялись следователями Главного управления Государственной безопасности НКВД СССР. Теперь управление вывели в самостоятельный наркомат, отчего заключенным было ни холодно ни жарко.

Шелестов с трудом разлепил пересохшие губы:

— Наручники снимите... Я на вас не брошусь, не бойтесь...

— За какие, позвольте спросить, заслуги? — Хавин манерно приподнял клочковатые брови. — Может, еще попросите прекратить физические воздействия, предоставить особые условия проживания, скажем, ввиду вашего крайне болезненного состояния? Уверяю вас, гражданин Шелестов, ваше состояние не настолько болезненное. Но мы же не будем доводить до греха, верно? Так что давайте без просьб и пожеланий. Захотите что-нибудь подписать — тогда другое дело...

Он еще не вышел за пределы такта, но в глазах уже поблескивали льдинки. Арестант молчал. За восемь месяцев заключения он повидал немало подобных лиц. Были нервные, резкие, были спокойные, даже интеллигентные, с приятными манерами. Попадались занудливые канцеляристы. Но суть

у всех была одна, она не менялась — ни с корректировкой курса партии, ни с личностью наркома.

«Позапрошлый» нарком внутренних дел Генрих Ягода был не подарок к Новому году, но в сравнении со сменившим его Ежовым — милый и не опасный человек. Ежов выкосил весь аппарат Ягоды — приговоры при этом не отличались разнообразием — обезглавил и ослабил армию, прошелся катком по партийному и хозяйственному аппарату. Человек перестарался, не смог остановиться и поплатился именно за склонность к чрезмерности.

Сменившему Ежова Берии пришлось выкорчевывать весь аппарат предыдущего наркома, исправлять многое из того, что тот натворил. Но полностью остановить раскрученный маховик репрессий Лаврентий Павлович не мог (а может, и не хотел) — что и испытал на собственной шкуре восемь месяцев назад Максим Шелестов...

— Вот читаю ваше дело и искренне удивляюсь, — покачал головой Хавин, — вы не желаете сотрудничать со следствием. Вину не признаете, сообщников по фашистской организации не называете. Продолжаете упрямо твердить, что ни в чем не виноваты, невзирая на изобличающие вас доказательства. Другой бы на вашем месте давно все подписал, признал и покаялся. Вы же... только время отнимаете у следствия. Признайтесь честно, вы изменяли Родине?

— Нет, не припомню... — слова давались с трудом. — Я никому и никогда не изменял, гражданин следователь... Даже собственной жене и даже в те моменты, когда имел на то основания...

— Ну, что ж, чувство юмора — это хорошо, — хмыкнул Хавин. — Удивлен, что вы его сохранили, искренне рад за вас. Надеюсь, это ненадолго. Хорошо. Итак, что мы имеем. — Хавин пододвинул к себе дело. — Шелестов Максим Андреевич, 1903 года рождения... хм, как мило, вчера у вас был день рождения, примите поздравления... Уроженец города Красноярска, учился в техническом училище, затем в среднем механико-строительном, имеет диплом техника-строителя... С 1928 года — в органах ОГПУ, затем перевод в военные структуры... Принимал участие в разгроме белокитайцев в 1929 году на Дальнем Востоке; за проявленное мужество представлен к ордену Красной Звезды... Если не ошибаюсь, во время конфликта на КВЖД красными частями командовал враг народа Блюхер? — Следователь пристально смотрел в глаза заключенному. — Можете не отвечать, вопрос риторический. В ту пору заговорщик и изменник Родины рядился под порядочного советского военачальника. А вы командовали батальонной разведкой... Далее послужной список, можно сказать, безупречен. Участие в операции 1938 года на озере Хасан — на этот раз вам доверили разведку 119-го стрелкового полка... — Следователь хищно

осклабился. — А командовал советскими войсками тот же маршал Блюхер, причем командовал из рук вон плохо, неоднократно нарушая приказы высшего командования и допуская непростительные просчеты. Признайтесь, Максим Андреевич, к 1938 году вы уже были знакомы с Блюхером, выполняли его преступные приказы, состояли с ним в одной фашистской организации?

Спорить было бесполезно. Какие еще подтверждения нужны? Исчерпывающие и убедительные доказательства виновности. Придавили, как говорится, тяжестью улик. Василий Константинович на озере Хасан явно не покрыл себя увядающей славой. Ошибки в руководстве операцией были налицо. Красная армия выполнила поставленные задачи, но делала это долго, тяжело, с большими потерями. Блюхер фактически провалил операцию. Предателем Шелестов его не считал, но ряд ошибочных действий признавал. По завершении операции Главный Военный совет РККА обнаружил в состоянии Дальневосточного фронта крупные недочеты. Управление фронта расформировали, Блюхера отстранили от должности, обвинив в некомпетентности (а тот действительно смещал границы и ликвидировал важные оборонительные укрепления), а вскоре арестовали, обвинив в шпионской деятельности в пользу Японии. Сюда же добавили антисоветскую организацию «правых» и военный заговор.

Блюхера сломали — он все признал и подписал. Умер в камере в ходе следствия — тромб в легочной артерии, как объяснила судмедэкспертиза. Это не помешало задним числом лишить его звания маршала и приговорить к смертной казни — к упомянутым обвинениям добавили саботаж, пьянство на рабочем месте и моральное разложение. А выпить, если честно, Василий Константинович любил...

— Вы избежали ответственности осенью 1938-го, — бубнил следователь, — когда арестовали все ближайшее окружение Блюхера и воздали каждому по заслугам. Вас перевели в Ленинградский военный округ, и тогда у правосудия до вас не дошли руки. С 1939 года вы прикрывали свою преступную деятельность службой в Разведывательном управлении Генштаба. Арестовали вас только в сентябре 1940 года. Так, исключен из ВКП(б) за потерю классовый бдительности, уволен из РККА по служебному несоответствию... С тех пор следствие с вами безуспешно нянчится — детский сад какой-то, Максим Андреевич, право слово... — Хавин осклабился. — Какова же ваша истинная роль в побеге Люшкова? Есть ряд убедительных доказательств, что именно вы помогли ему перейти границу.

Начальник Управления НКВД по Дальневосточному краю Люшков бежал к японцам летом 1938-го, когда понял, что ареста не избежать. Пе-

решил границу в районе города Хуньчунь и сдался японским пограничникам. Политическое убежище ему с удовольствием предоставили. Дотянуться до ренегата советские разведчики не могли — его грамотно прятали. Молчать в эмиграции Генрих Самойлович не стал — активно сотрудничал с японской разведкой, «разоблачал» методы НКВД, сдавал внедренную агентуру.

— Извините, гражданин следователь, ничем не могу вам помочь в этом вопросе, как и вашим предшественникам... Люшкова не знал, мы служили в разных ведомствах...

— Серьезно? — удивился Хавин. — А как же вот это? — Он вынул из пухлого дела желтоватый листок. — Подробное донесение вашего тогдашнего коллеги капитана Круглова. Он лично видел вас с Люшковым в городском парке за день до его побега. Тот передавал вам бумаги, вы беседовали очень долго...

— Да, мне уже предъявляли эту бумажку... — проскрипел Максим. — Во-первых, я не мог разговаривать с Люшковым, поскольку не имел чести его знать. Во-вторых, в тот день я находился в расположении своей части. В-третьих, капитан Круглов в означенный день тоже не мог посетить тот злосчастный парк, поскольку отбывал наказание за драку на офицерской гауптвахте. А писал это после своего ареста осенью 1940-го, когда уже не помнил таких мелких подробностей...

— Но вы-то запомнили? — Взгляд следователя пронзал, как шило.

— Разумеется, я сам их разнимал.

— Не надо юлить, Шелестов. — Следователь начал раздражаться. — Необоснованным репрессиям в нашей стране никого не подвергают. И ваши уловки в надежде сбить следствие с правильного пути никого не смутят. Ну, хорошо, будем считать, что мы с вами познакомились... — Следователь отодвинул дело и воззрился на арестанта. — Вы женаты?

— Уже нет... Жена умерла во время родов в 1937-м... Ребенка не удалось спасти... Второй раз я не женился...

— Родители?

— Только мать, проживает в подмосковном городе Видное, у нее вторая группа инвалидности... Об этом написано в деле...

— Не надо указывать, где и что написано, — резко выплюнул Хавин. — Что с отцом, с другими родственниками?

— Родственников нет... Уже нет... Отец работал по дипломатической линии, пропал без вести в Харбине в 1933 году...

— Знаем мы этот Харбин, — едко усмехнулся Хавин. — С его небезызвестной японской военной миссией... Продолжаю удивляться, Максим Андреевич, против вас такая масса свидетельств. Вот, полюбуйтесь: «... был коммунистом, но коммунисти-

ческих взглядов не разделял», «крайне отрицательно высказывался о советском государстве, порядках в Красной армии и политике, проводимой партией»... А вы продолжаете записывать и выгораживать себя. Подытожим для первого раза. Вы участвовали в антисоветском фашистском заговоре?

— Нет, никогда.

— Вы занимались антисоветской пропагандой в войсках?

— Нет.

— Вы занимались шпионажем в пользу иностранной, в частности японской, разведки?

— Нет.

Тяжелый удар обрушился арестованному на голову. Помощник следователя по работе с заключенными приблизился неслышно и вообще непонятно откуда взялся. Отказало не только зрение, но и слух. Боль взорвала череп. Максим повалился с табуретки. Мелькнуло разъяренное лицо младшего лейтенанта госбезопасности с засученными рукавами. Такие мускулы накачал на работе с иродами...

— Встать! — Истязатель не стал дожидаться, пока Максим сам поднимется, схватил его за шиворот, водрузил обратно на табуретку. Шелестов поплыл, тело не слушалось.

— Сидеть! Куда это мы собрались? — Второй удар опять обрушился на голову. Экзекутор перестарался, с малого надо было начинать. Все дальнейшее Шелестов помнил смутно. Трещала

голова, сознание болталось на ниточке. Удары следовали по нарастающей. Выскочил из-за стола Хавин — глаза сверкали бешенством. Закончился период «учтивости и деликатности» — он тоже пинал упавшего заключенного, надрывно орал:

— Получай, бешеный шакал, сука, контрреволюционный выродок! Гнида антисоветская! Ты мне, падла, еще признаешься, что состоял в организации «правых»! Шумилов, какого хрена встал? Продолжай работать!

Взгромоздить на табурет его уже не пытались — били лежачего, входили в раж, выкрикивали оскорбления. Шелестов задыхался, пытался пригнуть голову, подтягивал под себя колени. Мучитель наступил ему на руки, скованные за спиной, — пронзительная судорога побежала по телу. Лежащий извивался, пытался что-то делать. Только бы не по почкам — потом всю оставшуюся жизнь кровью ходить. Впрочем, долго ли продлится эта жизнь?

Он плохо помнил, чем закончился допрос, но он точно ничего не подписывал. Это раздражало и бесило мучителей. Последнее, что он помнил, — удар под нос носком сапога. Сознание захлопнулось, как том Большой советской энциклопедии. Прибыл конвой, арестанта потащили в камеру...

На этом текущие прелести тюремной жизни не закончились. Он потерял счет времени, несколько раз приходил в себя и снова терял сознание. Лежать

приходилось на голом полу, свернувшись калачиком, наручники сняли. Любые попытки прилечь на нары оборачивались вторжением надзирателей и новыми ударами. Лежать на нарах в течение дня конвойные запрещали.

Наверное, была глубокая ночь, когда заскрежетала дверь, и охранники вытолкали заключенного в коридор. Он стоял, держась за батарею парового отопления — иначе упал бы.

— Ну все, сука, отмучился, — процедил конвоир.

Именно эти слова придали сил. В ногах появилась упругость, расправились плечи. Он равнодушно взирал на конвойных, на невесть откуда взявшегося следователя Хавина — тот громко зевал и перекатывал во рту тлеющую папиросу.

Шелестов шел самостоятельно, сворачивал куда приказывали, спускался по лестнице. Здешние подвалы были глубокие, в несколько ярусов. Кружилась голова, он хватался за стену, но спускался. Конвоиры дышали в затылок.

Очертился каменный коридор, в нем сновали люди. Было душно, накурено, ощущались странные запахи. Серые лица сотрудников НКГБ, пустые глаза — такое ощущение, что они годами не выходили из подвалов, только здесь протекала их служба и личная жизнь. Его вели по коридору — навалилась тяжесть, он с трудом переставлял ноги.

— На месте, — скомандовал охранник, Шелестов застыл посреди коридора.

Его толкнули в сторону — там была ниша, жесткая скамья, пара стульев, на которые никто не предложил присесть. «Зал ожидания», — проползла равнодушная мысль. Сотрудники висели над душой, один исподлобья разглядывал жертву, другой отводил глаза. У каждого на ремне кобура с «наганом».

Ждать пришлось недолго. Послышались шаги. По коридору брел сутулый мужчина. Он постоянно сглатывал, губы его дрожали. Слезы блестели в запавших глазах. Арестанта сопровождал офицер. Рука его потянулась к расстегнутой кобуре...

Взгляды заключенных пересеклись. Мужчина шмыгнул носом. Его лицо было смутно знакомо. Встречаться не приходилось, но где-то они виделись — возможно, на митинге или групповом фото в газете. Товарищ из ВЦСПС или из наркомата труда...

Процессия ушла по коридору, потерялась в сумраке. Освещение в дальней части подвала было неважным. Прогремел выстрел, глухо упало тело. Кто-то завозился, скрипнула железная дверь.

— Пошел, — кивнул подбородком Хавин. — Приятно было познакомиться. Хоть не валандаться с тобой...

— Не припомню, чтобы меня судили... — выдавил Максим.

— Решение «тройки», — скупое отозвался Хавин. — Вас слишком много, антисоветских мра-

зей, никакие суды не справятся, даже если будут круглосуточно штамповать приговоры. Вперед! — Хавин ядовито оскалился.

— Покурить хоть дайте.

— Иди уж. Людей задерживаешь. На том свете покуришь.

Он пошел вперед, подволакивая ноги. Стены расплывались, поблескивали мутноватые лампы накаливания. Не было ни горя, ни отчаяния — только ожидание облегчения и досада непонимания. Суды не справляются, это факт. Им в помощь возникли «тройки НКВД» — по репрессированию антисоветских элементов. В каждой области и крае — своя «тройка»: начальник управления НКВД, секретарь обкома и прокурор. Но даже о внесудебном решении должны известить, а не ставить перед фактом в последний момент. И отменили, если помнится, эти «тройки» — слишком много злоупотреблений выявили. Или заново ввели, пока он по тюрьмам скитается? А как же видимость соблюдения законности?..

Тишина звенела в ушах, усиливался неприятный запах. За спиной поскрипывали сапоги палача расстрельной команды. Отчетливый спиртной душок — без горячительного в их работе никак... Звук взводимого курка — почему так быстро?

Он уткнулся в стену — она возникла внезапно, будто вынырнула из тумана. Тупик, справа железная дверь, мутная лампа. Он, как слепой, обшари-

вал стену. В одном месте было что-то накорябано — проступала надпись. Даже смешно — и когда только успевают? «Здесь был Петя» или что другое? Он застыл, дыхание перехватило. Стал поворачивать голову.

— Не оборачиваться! — бросил палач.

Тишина звенела, рвала барабанные перепонки. Не вся жизнь пронеслась перед глазами, но он увидел отца, чей образ с годами потускнел, — седой, в добротном костюме, сшитом на заказ. Мама призналась пару лет назад, что дед по линии отца был обедневшим потомственным дворянином, служил офицером в царской армии. Отец порвал с семьей, жил отдельно, имел революционные взгляды, посещал нелегальный марксистский кружок. Прошел мировую войну в звании подпоручика, получил Георгиевский крест 4-й степени, а после Гражданской войны устроился на работу в ведомство Чичерина — Литвинова. Дворянское происхождение отца удалось утаить — можно представить, как обрадовались бы органы... Он видел мать, сильно сдавшую за последние годы, — она ходила с палочкой по квартире, постоянно виновато улыбалась. Увидел жену — красавицу Риту, ощутил на губах ее последний поцелуй перед тем, как отправиться в роддом. Он тогда суетился, вызвал шофера с «эмкой», кричал, чтобы вез осторожно, но быстро, и не дай бог женщине станет плохо в дороге! Сам поехать не мог — срочное совещание в управлении...

«Сейчас увидимся», — возникла странная мысль. Хотя вряд ли — воспитали безбожником, вбили в голову, что после смерти — только тьма. Тишина затягивалась, звенела. Онемела кожа на затылке. Ну давайте же! Он слышал, что тела таких, как он, сжигают, а то, что остается, отвозят на полигон «Коммунарка», ссыпают в канавы и закапывают...

Прогремел выстрел. Он не должен был его услышать — но услышал. Пуля ударила в стену, срикошетила от стальной двери. Промазали? Ноги потеряли чувствительность, потянуло к холодному полу, а дальше он ничего не помнил...

Узник валялся в камере, приходил в себя. Периодически рвало. Еду организм не принимал, только теплую воду — казалось, ее специально набирают в подмосковных болотах. Об имитациях расстрела он слышал, но самому участвовать в подобных спектаклях не приходилось. По мнению следователей, они неплохо способствуют признанию — как и разрешенные ЦК ВКП(б) методы физического воздействия. Главное, чтобы подписали предъявленные обвинения, а потом на суде не вздумали от них отрещиваться...

Он метался в бреду, мысли путались. В какой-то миг Шелестов осознал, что лежит на нарах в дневное время и никто на него не орет. По коридору ходили, иногда заглядывали в окошко. Он

устал жить видениями из прошлого. От них невозможно было избавиться. Лица родных, из которых осталась только мама, твердо убежденная, что сын ее давно погиб в тюрьме или сгинул в лагерях. Как она живет? И живет ли вообще? Прочно засел в памяти день 7 июня 1937 года, когда перед строем зачитали приказ Наркомата обороны за номером 072. До личного состава РККА доводилось, что в армии выявлена контрреволюционная фашистская организация, стремящаяся ликвидировать существующий строй, свергнуть советскую власть и восстановить в СССР капитализм. Верхушка заговорщиков уже обезврежена: Тухачевский, Уборевич, Якир, Корк, Гамарник... Но щупальца заговора расползлись по всей армии, разъедают ее, как плесень, и органы НКВД будут с этой заразой нещадно бороться. Тогда еще не знали, какие масштабы приобретет такая борьба...

За восемь месяцев бывший майор Шелестов сменил несколько тюрем, его пытали, били, предъявляли ложные обвинения. Все, что городили следователи, рассыпалось в прах, концы не сходились — даже для советского суда это дело выглядело нелепо. Но органы старались. Несколько суток без сна — в глаза бьет слепящий свет, сознание путается. Только начнешь засыпать — резкий окрик: «Не спать!», тычок в спину. Горячий карцер, холодный карцер, стоячий карцер — где стены настолько близко, что невозможно присесть, и ты

торчишь, как столб, часов двенадцать кряду. Пытка водой, голодом, пресловутая «ласточка» — руки и ноги скованы за спиной, через рот пропущена веревка, завязана сзади на шиколотках — это тети́ва, а туловище — лук, постоянно находящийся в напряженном состоянии. Пытка продолжается несколько часов, за это время тебя еще пинают и матерят...

На следующий день допросов не было. Узника оставили в покое. Он понемногу приходил в себя, даже поел. Дважды принесли еду, и в этот раз кормили не тухлятиной. Досадная пауза в заведенном ритуале — всякое бывает. Он пытался вспомнить, какой сегодня день — бесполезно. Еще весна или уже начало лета 1941-го? Что происходит в стране? Что творится в мире? Он безнадежно отстал от жизни.

Странное событие случилось ночью — через сутки или двое после последнего допроса. Он метался в полусне-полубреду, боролся с демонами. Заскрежетал дверной засов, он очнулся. В камере свет не включали. Освещение работало в коридоре — тусклое, ночное, а еще у человека, отпершего дверь, был фонарик.

Происходило что-то странное — а вернее сказать, НЕ ПРОИСХОДИЛО. За порогом стояли двое, просто стояли и смотрели, внутрь не заходили. Охранник мялся сбоку, держал фонарь. Максим сощурился, поднялся, застыл посреди камеры.